

НЕКОТОРЫЕ ОШИБКИ
МОЖНО ИСПРАВИТЬ

Второй шанс: 1998

НОСТАЛЬГИЯ
БИЗНЕС
ВЫБОР
СЕМЬЯ

КИНО

Всё
будет
хорошо
😊

PLAYBOY

НАШЕ
ВРЕМЯ

СТРАННЫЕ ИГРЫ

РУКИ ВВЕРХ!

КИНО

SONY

БОЛЬШЕ
ВОЗМОЖНОСТЕЙ
Coca-Cola

ПРОДУКТЫ

А 372 ММ 78

Тот же
город.
Другие
возможности!

Marlboro

Милана Панова

Второй шанс: 1998

«Автор»

2026

Панова М.

Второй шанс: 1998 / М. Панова — «Автор», 2026

Андрею Лазареву сорок. За плечами у него развод и ипотека. Жизнь не сломалась, но просто тихо прошла мимо. Однажды ноябрьским вечером он засыпает под старую кассету из коробки с юношеским хламом, а просыпается 12 мая 1998 года. Ему снова восемнадцать, а до 17 августа, когда рубль рухнет втрое и страна проснётся нищей, остаётся ровно девяносто семь дней. Андрей знает, кто выиграет чемпионат мира во Франции, какие банки лопнут первыми и что через одиннадцать лет появится странная цифровая монета, которую все будут считать игрушкой для чудаков. И точно знает, какие ошибки совершил в первый раз. Осталось самое сложное. Надо заработать первые деньги без денег, не потерять голову в городе, где у каждого ларька своя «крыша» и понять, почему он, кажется, не единственный, кто вернулся. Ностальгия по девяностым, бизнес с нуля и второй шанс для тех, кого когда-то не уберёг.

© Панова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Аннотация	5
Глава 2. Сорок лет — ни очём	6
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Милана Панова

Второй шанс: 1998

Глава 1. Аннотация

Андрею Лазареву сорок. Развод, ипотека, работа начальником отдела продаж сантехники в фирме, которая доживает последние месяцы, и сын-подросток, отвечающий на сообщения примерно раз в неделю. Ничего катастрофического — просто в какой-то момент Андрей понял, что его жизнь как будто прошла где-то рядом.

Однажды ноябрьским вечером он засыпает под старую кассету, случайно найденную в коробке с юношеским хламом. А просыпается 12 мая 1998 года.

Ему снова восемнадцать. Мама жива и с утра жарит сырники. Лучший друг Витька ещё дома и пока не знает, что совсем скоро уйдёт в армию и не вернётся. А до 17 августа — дня, когда рубль рухнет втрое, а страна проснётся в совершенно другой реальности, — остаётся ровно 97 дней.

И Андрей знает, что будет дальше.

Он знает, кто выиграет чемпионат мира во Франции. Знает, какие банки скоро лопнут. Знает про интернет, мобильные телефоны и ту самую странную цифровую монету, которую через одиннадцать лет все будут считать игрушкой для чудаков.

И ещё он прекрасно помнит собственные ошибки.

Казалось бы, теперь всё должно быть просто. Но как заработать первые деньги, если у тебя в кармане почти ничего нет? Как объяснить отцу, что его «надёжный» вклад скоро превратится в пустую бумажку? Как не влезть в неприятности в городе, где у каждого ларька и каждого бизнеса есть своя «крыша»?

И главное — почему Андрей начинает замечать, что он здесь не единственный человек, который получил второй шанс?

Ностальгия по девяностым, первые деньги, большой бизнес с нуля, дружба, семья и попытка исправить то, что когда-то казалось уже невозможным.

Глава 2. Сорок лет — ни очём

Шестнадцатого ноября две тысячи двадцатого года Андрею Лазареву исполнилось сорок лет, девять месяцев и три дня. Юбилеем это не было, праздником тоже. Это был понедельник.

Он узнал об этом из телефона, который в семь утра показал ему уведомление банка: «Андрей Викторович, напоминаем о платеже по ипотеке». Следом пришло письмо от генерального: «Коллеги, в 10:00 созвон по итогам октября. Камеры включаем». Андрей полежал, глядя в потолок, на котором расплзалось жёлтое пятно — соседи сверху затопили его ещё весной, а он всё собирался поговорить. Потом встал и пошёл включать камеру.

Он работал начальником отдела продаж в компании «АкваСтандарт». Компания продавала смесители, унитазы и полотенцесушители оптом по Приволжскому федеральному округу и последние полгода медленно тонула — что для фирмы с таким названием было даже поэтично. Карантин закрыл половину строительных магазинов, вторая половина платила с задержкой в три месяца. Андрей руководил отделом из четырёх человек, двое из которых уже искали работу, а один искал её так откровенно, что включал камеру на фоне распечатанного резюме.

Созвон длился час сорок. Генеральный — Олег Палыч, пятидесятилетний мужчина с голосом прапорщика и привычкой говорить «по факту» — рассказывал о том, что «рынок сложный», что «надо включаться», и что «кто не тянет, тот, по факту, сам понимает». Андрей кивал в камеру и смотрел в соседнее окно, где у него был открыт курс биткоина.

Биткоин стоил шестнадцать тысяч семьсот долларов.

Андрей смотрел на эту цифру с тем же чувством, с каким смотрят на фотографию бывшей жены в новом свадебном платье. В две тысячи одиннадцатом году, когда ему был тридцать один, коллега по прошлой работе, айтишник Гоша, показал ему какой-то форум и сказал: «Смотри, биток по доллару. Купи сотку на пробу». Андрей тогда посмеялся. У него была свадьба на носу, кредит на «Форд Фокус» и твёрдое понимание, что деньги в интернете бывают только у мошенников. Гоша купил. Гоша сейчас жил на Бали и присылал в «Инстаграм» фотографии с доской для сёрфинга.

«Сто долларов, — привычно посчитал Андрей. — Сто монет. Миллион шестьсот семьдесят тысяч долларов».

Он закрыл вкладку. Считать чужие миллионы было его маленьким извращённым хобби, вроде расковыривания болячки.

— Лазарев, ты с нами? — спросил Олег Палыч.

— Да, Олег Павлович. Я вас внимательно.

— По факту — у тебя минус двадцать два процента к плану.

— Я знаю.

— И что ты с этим будешь делать?

Андрей хотел сказать правду: ничего. Потому что половина клиентов закрылась, а вторая половина покупает китайские смесители напрямую через маркетплейсы, и никакой «план» этого не изменит. Но правда в сорок лет стоит дороже, чем в двадцать. Особенно когда в конце месяца ипотека.

— Проработаю базу, — сказал он. — Подниму старых клиентов.

— Поднимай, — согласился генеральный. — Пока тебя самого не подняли.

Кто-то из бухгалтерии хихикнул и тут же выключил микрофон.

* * *

Вечером написала Ирина.

Бывшая жена писала ему редко и всегда по делу, так что каждое её сообщение Андрей открывал с тем же чувством, с каким открывают письмо из налоговой.

«Тимофею нужны деньги на репетитора по физике. 12 000 в месяц. Скинь до пятницы».

Он перевёл сразу — не потому, что было лишнее, а потому, что откладывать было бесполезно: всё равно придётся. Потом написал сыну: «Привет. Как дела? Как физика?»

Тимофею было четырнадцать. Сообщение он прочитал через минуту — две синие галочки загорелись почти сразу, — но ответил только через сорок минут: «норм».

Андрей долго смотрел на эти четыре буквы. Потом написал: «Может, на выходных в пиццу?» Галочки загорелись. Ответа не было.

Он пошёл на кухню, открыл холодильник и некоторое время стоял перед ним, как перед картиной в музее: внутри было половина пачкипельменей в морозилке, кетчуп, яйца и две бутылки пива «Жигулёвское», купленные в прошлую пятницу по акции. Андрей взял пиво, подумал и взял второе.

В девять вечера в общем чате класса — «11 «Б», выпуск 97, ВСЕ СЮДА!!!» — Серёга Пономарёв предложил устроить встречу в «Зуме». Серёга был старостой класса двадцать три года назад и, кажется, так и не смог остановиться. Теперь он владел тремя шиномонтажками, ездил на «Крузаке» и каждый год пытался собрать всех вместе.

«Народ, раз живую нельзя — давайте онлайн! В 21:30, ссылку кидаю!»

Андрей не собирался идти. Но пиво кончилось, пельмени закипали слишком долго, а в пустой квартире по вечерам было тихо так, что начинало звенеть в ушах. Он нажал на ссылку.

Их набралось девять человек. Девять квадратиков с лицами, которые Андрей узнавал с небольшой задержкой — как узнают знакомые улицы после долгого отъезда. Вот Катька Зуева, отличница, теперь стоматолог, располневшая и очень весёлая. Вот Димон Рыбин, бывший школьный хулиган, а ныне — вы не поверите — батюшка в сельском приходе, с бородой до груди. Вот Серёга на фоне ковра с оленями.

И вот Лена.

Лена Соколова включила камеру последней. Она сидела в светлой гостиной где-то в Подмоскowie, за её спиной на стене висели фотографии детей — двое, мальчик и девочка, уже почти взрослые. Она почти не изменилась. То есть изменилась, конечно: морщинки у глаз, короткая стрижка вместо длинной косы, очки. Но улыбка была та же. Та самая, от которой у восемнадцатилетнего Андрея когда-то подгибались колени.

— Андрюха! — заорал Серёга. — Лазарев! Живой!

— Живой, — сказал Андрей. — Местами.

Все засмеялись. Лена тоже улыбнулась, и Андрей почему-то отвёл глаза от экрана.

Говорили про обычное: кто где, у кого сколько детей, кто развёлся, кто переехал. Катька рассказывала, как она лечила зубы депутату областной думы. Батюшка Димон рассказывал, как освящал Серёгины шиномонтажки. Потом кто-то сказал:

— А помните, как мы Витьку в армию провожали?

И стало тихо.

Витька Шмелёв не учился в их классе — он был из параллельного, из «В», — но все его знали, потому что без Витьки не обходилась ни одна драка, ни одна дискотека и ни одна вылазка на Волгу. Он был лучшим другом Андрея с первого класса. Он провалил вступительные в девяносто седьмом, год проработал на авторынке и осенью девяносто восьмого ушёл в армию. В январе двухтысячного его привезли обратно — в цинке, с Кавказа. Ему было девятнадцать.

— Двадцать лет в январе будет, — тихо сказал Серёга. — Я к матери его заезжаю иногда. Она всё его комнату не трогает.

— Царствие небесное, — пробасил Димон и перекрестился.

Андрей молчал. Он знал то, чего не знал никто из сидящих в этих квадратиках. Он знал, что летом девяносто восьмого Витька просил у него денег. Не много — тысячу рублей, новыми. Хотел купить с одним парнем с авторынка старую «девятку», перебить и перепродать, а на вырученное — заплатить кому надо в военкомате, чтобы отсрочку сделали. «Мне на год, Андрюх, — говорил он. — Через год разбогатею и отдам». У Андрея тогда была тысяча —

копил на музыкальный центр «Айва». И он отказал. Не потому, что жалко. А потому, что в восемнадцать лет не веришь, что с твоими друзьями может что-то случиться.

Потом был дефолт, машина стала никому не нужна, а осенью Витьку забрали.

Андрей никогда никому об этом не рассказывал.

— Андрюх, ты чего завис? — спросил Серёга.

— Связь плохая, — сказал Андрей. — Пойду я, ребят. Завтра рано.

Он вышел из конференции раньше, чем успел увидеть, как Лена машет ему на прощание.

* * *

Спать не хотелось. Андрей сходил в магазин у дома, купил бутылку коньяка — того, что по акции, с тремя звёздочками и честным лицом производителя на этикетке, — и вернулся домой.

Потом, после второй рюмки, он зачем-то полез на антресоль.

Там лежали коробки, которые он перевёз от родителей, когда продавали их старую квартиру после маминей смерти. Пять лет он к ним не прикасался. Три коробки: «книги», «документы» и одна без надписи, заклеенная синим скотчем.

В коробке без надписи обнаружилась его юность. Пейджер «Моторола» с треснувшим экраном. Тамагочи без батареек. Пачка журналов «Хакер» и «Игромания». Фотографии в конверте «Кодак». Значок «Nirvana». И кассетный плеер «Сони», тяжёлый, серебристый, с потёртой кнопкой «Play». В плеере была кассета.

На кассете шариковой ручкой, его собственным корявым почерком, было написано: «Май 98. Не стирать!!!»

Андрей не помнил, что там. Он повертел плеер в руках, нашёл в ящике стола пару батареек от пульта — вот так удача, АА, подошли — и надел старые наушники с поролоновыми подушечками, которые рассыпались под пальцами в желтоватую пыль.

Нажал «Play».

Сначала было шипение. Потом — треск, как будто кто-то возился с микрофоном. А потом голос. Его голос, только выше, звонче, моложе на двадцать два года:

«Раз, раз... Короче, это послание самому себе в будущее. Мне восемнадцать, сегодня одиннадцатое мая девяносто восьмого. Андрей, если ты это слушаешь, значит, тебе уже... ну, типа, много. Лет сорок, может. Я хочу спросить: ты крутой? У тебя есть джип? Ты женился на Ленке?»

Послышался смех — его собственный и чей-то ещё. Хриплый, басовитый. Витькин.

«Дай сюда, — сказал Витька где-то рядом с микрофоном. — Андрюха из будущего, это Витёк. Если ты там ещё не миллионер — значит, ты лох. Всё, конец связи».

Шипение. Щелчок.

Андрей сидел на полу в тёмной комнате, прижав наушники к ушам ладонями, и понял, что плачет — впервые, наверное, лет за десять. Некрасиво, по-мужски, беззвучно. Он плакал о Витьке, о маме, о Лене, о тысяче рублей и музыкальном центре «Айва», о биткоине по доллару и о четырёх буквах «норм» в телефоне сына. О сорока годах, которые прошли так, будто их кто-то промотал на ускоренной перемотке.

«Нет, Витёк, — подумал он. — Я не крутой. И не миллионер. Я лох».

Он перемотал кассету назад и нажал «Play» ещё раз. И ещё. На пятый раз он уснул прямо на полу, привалившись спиной к дивану, под хриплое шипение старой плёнки.

Последнее, что он слышал, — голос Витьки: «Всё, коне

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.